

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
У13

Loreth Anne White
THE DARK BONES

Copyright © 2019 by Cheakamus House Publishing

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

Перевод с английского *Кирилла Савельева*
Художественное оформление *Сергея Власова*

Уайт, Лорет Энн.

У13 Самые темные дороги / Лорет Энн Уайт ; [перевод с английского К. Савельева]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-111961-4

Ребекка Норд не первый год занимается расследованием убийств, и мало что может выбить ее из колеи. Но последнее дело... Ее собственный отец погиб при очень странных обстоятельствах. Все это выглядит как самоубийство, но на деле оказывается жуткой, изощренной инсценировкой.

Чтобы собрать улики, Ребекка отправляется в глухой городок за тысячи километров от столицы. Там ее ждут снежные пещеры, неожиданная встреча с давним возлюбленным и связанные с ним кровавые, запутанные детали их общего прошлого.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-111961-4

© Савельев К., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

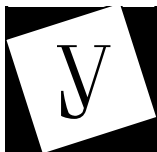
*Джилл и Рэю, которые хранят
мечту об озере Биг-Бар*

После убийственного мороза

*Карибу-Кантри, 27 сентября,
воскресенье.*

Немногим более двадцати лет назад

Уитни бежит, хотя в груди полыхает огонь. У нее пересохло в горле. Стебли полыни, сосновые иголки и острые камешки впиваются в босые ступни. Кровь стекает по внутренней стороне ее бедер, оставляя липкие следы в сухой траве за ее спиной.

Уитни опускается на четвереньки. Тяжело дыша, она внимательно прислушивается к звукам осеннего леса.

Трава колет ее голые ягодицы. Рваная ткань платья пристаёт к коже. Левую грудь пересекает рваный порез, а вокруг соска остались следы от укуса. Ее длинные волосы — такого же желто-золотистого оттенка, как и трава, где она прячется, — слиплись от пота и грязи.

Уитни слышит тихий рокот двигателя, который доносится с лесовозной дороги на дальнем краю озера. В воздухе сгущается гнетущая, потрескивающая энергия: приближается гроза. Деревья в лесу громко перешептываются и раскачиваются под порывами ветра.

Но она не слышит *их*.

Высоко в небе раздается протяжный крик пустельги, и Уитни резко вскидывает голову. Она достигла лесной

опушки и не знает, что делать дальше. За этой безопасной границей начинается открытое поле. Оно заросло отцветшим иван-чаем, и клочки белого пуха носятся над лугом, словно летний снег, пока вдалеке рокочет гром, а грозовые облака наползают все ближе. Лес погружается в тень.

Уитни знает эту местность. За плотной рощей деревьев на противоположной стороне луга находятся обветшавшие постройки заброшенного летнего лагеря. Это часть ранчо Хогена, и она может спрятаться там.

Но ужас держит ее в крепких тисках. *Они* могут вести наблюдение. Могут ждать, пока она не выбежит на открытое место, словно раненый олень. Время растягивается до предела. Облака клубятся все гуще и закрывают потускневший солнечный диск. Луг тоже погружается в полутьму.

Она оторвалась от них? Возможно ли это?

Теперь гром грохочет совсем близко. Звук с силой ударяет по барабанным перепонкам. Страх подталкивает Уитни к действию. Она приподнимается и ныряет в заросли иван-чая. Не разбирая пути, она ломится через гущу стеблей и сухих соцветий, но ее взгляд решительно устремлен на проем между деревьями на другой стороне поля. Ее белые ягодицы мелькают в траве, как круп убегающего белохвостого оленя, идеальная мишень для охотника.

Она слышит гиканье у себя за спиной.

В противоположном направлении с ревом пробуждается к жизни двигатель мотовездехода. Она окружена, путь к бегству отрезан.

По лицу Уитни струятся слезы, но она не останавливается. Она пробивается через спутанные стебли, направляясь к просвету между деревьями и к возможному спасению.

Рывкает выстрел. Птицы стайками взмывают из-под лесного полога. Пуля с горячим шелестом прохо-

дит рядом, мимо ее щеки. Уитни кричит и отклоняется в сторону. Снова гремит гром; небо становится черным. Крупные капли дождя начинают бомбардировку.

Еще один хлопок выстрела.

Уитни ощущает удар в плечо. Сила удара вместе с полученным шоком заставляет ее развернуться боком, и она падает в заросли иван-чая. Какое-то время она лежит на спине, оглушенная, скрытая густой растительностью. Горячая сырость сочится под плечом. Все кончено. Уитни больше не может дышать. Дождь хлещет в ее запрокинутое лицо. словно в абсурдном видении, она сознает, что небо окрасилось в зловещий багровый свет.

Уитни думает о своей матери. Ее маме нравятся грозы. Потом она думает о своих ошибках... о Треворе и Эше. Все пошло не так, как было задумано. Уитни начинает уплывать на волнах неопишуемой боли, но пронзительный свист приводит ее в чувство. Ее глаза распахиваются, сердце отбивает дикую чечетку в груди. Она не может умереть, не может. Она не умрет.

Уитни старается перекатиться на бок, но не может, потому что левая рука не слушается ее. Она хватается за стебли иван-чая здоровой рукой и кое-как приводит себя в сидячее положение. С неба льет напропалую; дождь хлещет ей в спину, смахивает мокрые волосы на лицо. Ветер кружит над полем и сотрясает кроны деревьев в лесу. В уме невольно возникают строки из песни, которую она слышала в автомобиле Эша.

Все, что я хочу, — это пожить в Эл-Эй.

Прежде чем умру, хочу кутить в Эл-Эй.

Веселье всю ночь, пока она не сгинет прочь

И солнце не взойдет над Эл-Эй...

Уитни была так близка к этому.

Очень близка.

Воплотить свою мечту. Увидеть Лос-Анджелес. Она почти вырвалась отсюда. Казалось, все будет хорошо и даже весело. Теперь она хочет только остаться в живых. Отправиться домой, к маме. Туда, в знакомые объятия трейлерного парка.

Еще один треск ружейного выстрела. Все движется, как в замедленной съемке, когда шрапнель разлетается от ствола рядом с ее лицом. Мелкие щепки вонзаются в щеку и ослепляют правый глаз. Хныкая и причитая, Уитни уползает в заросли на другой стороне луга. Тут темно, очень темно. Наверное, безопасно. Ее левый глаз приспосабливается к полумраку. Лесное ложе покрыто папоротником и кустиками голубики. Уитни находит знакомую тропу и начинает брести по ней.

Голоса! Уитни слышит голоса. Мужчины кричат, приближаются к ней. Рев вездехода становится громче.

Она видит старую хижину, покрытую сухим мхом и лишайником. Молодые ростки пробиваются между сгнившими половыми досками. В тених этих развалин стоит олень. Уитни застывает на месте. Олень смотрит на нее большими, влажными глазами.

Но вездеход приближается, и олень бросается в сторону, с громким треском ломая кусты. Ее охватывает паника, и она оборачивается вокруг. Где спрятаться? Старые хижины они осмотрят в первую очередь. И почему ей пришло в голову, что там она может спастись?

Ее взгляд падает на кедровое бревно. Это старинное, давно упавшее дерево, покрытое мхом, оранжевым лишайником и папоротником. Сгнивший ствол мог бы послужить для медвежьей берлоги на зиму или стать убежищем для пумы, в надежном месте выращи-

вающей своих котят. Уитни заползает внутрь, волоча за собой вялую окровавленную руку. В дереве пахнет так же, как в старом сундуке, где ее бабушка хранила меховое пальто. Знакомый запах. Надежный, как семья. Приветливый. Уитни заползает все глубже, пока не становится слишком узко. Тогда она сворачивается в клубок, глубоко в своей пещерке. Мягкий кедровый луб щекочет ей руки и ягодицы. Рев вездехода стихает где-то за бревном.

Она слышит очередной крик. Еще один выстрел. Она зажмуривается в ожидании, когда ее начнут вытаскивать за ноги. Но голоса отдаляются, как и топот ног в лесу. Внезапно становится совсем тихо, если не считать звука капель, барабаниющих по бревну.

Они погнались за оленем, думает она. Дух оленя отвлек их и спас ее.

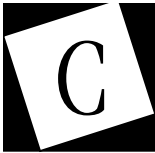
Ее тело охватывает безудержная дрожь. Уитни крепко прижимает ладонь ко рту, чтобы заглушить плач. Просто на тот случай, если один из *них* еще рядом и если это фокус, чтобы выманить ее.

Но она больше не слышит их.

Глава 1

*Оттава, 6 января, примерно
двадцать лет и три месяца спустя*

ержант Ребекка Норд шла по мраморному коридору здания Верховного суда вместе с юристом-консультантом; мерный стук каблучков звучал как подтверждение уверенности. Ее темно-синий, почти черный костюм был сшит по мерке, классический покрой шелковой блузки демонстрировал профессионализм и вместе с тем создавал легкий намек на женственность. Густые темные волосы были собраны в мягкий узел на затылке. Никаких ювелирных украшений, минимум макияжа. Такой внешний вид, одобренный стороной обвинения, был рассчитан на создание образа квалифицированного и достойного доверия детектива из отдела по борьбе с экономической преступностью федеральной полиции Канады — достаточно искушенного специалиста, который с удовольствием поможет разоблачить высокопоставленного преступника из мира «белых воротничков».

Этот суд привлек большое внимание. Средства массовой информации по обе стороны американо-канадской границы занимались его интенсивным освещением, а социальные сети пестрели множеством мнений и догадок. Перед зданием суда крепчал ве-

тер, и быстро холодало, пока съемочные группы телевизионщиков и команды техподдержки затаились в машинах в предчувствии январской метели. Внутри репортеры с пропусками вереницей проходили в зал суда. Перерыв между заседаниями закончился; Ребекка должна была следующей давать показания. Хотя внешне она излучала спокойствие, внутри все бурлило от прилива адреналина. Сторона защиты собиралась устроить ей допрос по всей форме.

Женщина-юрист, шагавшая рядом с ней, прижимала к груди папку с бумагами.

— Помните, сержант: многие превосходные копы садились в лужу во время показаний перед судом из-за вещей, не имевших никакого отношения к их правдивости или уровню профессионализма, — бесстрастно сказала она, глядя прямо перед собой. — Их ловили на мелочах, которые...

— Вы уже рассказывали, — отозвалась Ребекка. — Я все поняла.

Они обогнули мраморную колонну, и Ребекка увидела толпу, собравшуюся перед залом суда. Когда они приблизились к дверям, зажужжал телефон, лежавший в кармане жакета. Ребекка заколебалась; возможно, это был очередной звонок от начальства.

— Я лучше отвечу, — поспешно сказала она.

— Вы следующая, — напомнила женщина из юридического отдела.

— Буду через полминуты.

Ребекка достала телефон и отступила в относительно тихую стенную нишу. Когда она увидела, кто звонит, сердце упало. Опять отец. Ребекка сбросила четыре его предыдущих звонка на голосовую почту. Сейчас у нее не было времени на его параноидную теорию заговора и прочую чушь. Она была уже готова оборвать звонок, но дрогнула. Ее отец давно был

нездоров. Он слишком много пил; так было всегда, но теперь проблема усугубилась. Он проводил зиму в одиночестве, в старом семейном домике в глуши. Ближайшим городом был Клинтон: сорок пять минут езды по грунтовым лесовозным дорогам, которые редко чистили от снега.

Сельское уединение, выпивка, подступающая старость... Все это туманило его мозг, вызывало сумятицу и депрессию. И для того чтобы коротать долгие вечера на ферме, он обкладывался старыми уголовными делами, с одержимым упорством снова и снова изучая те, которые ему так и не удалось решить, и придумывая безумные теории, о которых обычно забывал на следующее утро. Ребекка приняла вызов.

— Привет, папа. Слушай, можно я тебе перезвоню? Я собираюсь давать показания в суде.

За ее словами последовало непривычное, тяжкое молчание.

— Папа? Ты в порядке?

— Мне... нужно поговорить с тобой, Бекка. Тебе... тебе нужно кое-что узнать, чтобы ты могла правильно понять меня.

Его речь была сбивчивой и невнятной. Ребекка посмотрела на часы. В часовом поясе ее отца едва наступил полдень, а он уже принял на грудь. К вечеру, когда она закончит с делами в суде, отец будет беспробудно пьян.

— Послушай, я тебе позвоню, когда...

— Нет, нет, Бекка, не по телефону, — прошептал отец. — Я стою в фойе отеля «Карибу» и говорю по общественному телефону перед «Лосем и Рогом». Люди могут услышать... — Наступила пауза; Ребекка слышала на заднем плане шум, доносившийся из паба. — Я... полагаю, он был в моем домике и забрал кое-какие бумаги из моего досье.

— Кто? Какое досье?

Тишина перед залом суда вдруг стала звенящей. Почти все вошли внутрь. У Ребекки сдавило грудную клетку от напряжения.

— Папа, — твердо сказала Ребекка. — Сейчас у меня нет времени на тайные заговоры. Я должна...

— Вчера вечером. Думаю, он прятался снаружи, за осинами. Следил за моим домом. Позавчера вечером кто-то следовал за мной в темноте до самого дома. Думаю, он знает то, что мне известно.

Ребекка заколебалась. Она слышала подобные вещи от своего отца, но он еще никогда не обращался к ней таким тоном. Она почти не сомневалась, что отец воображает разные вещи, но его страх был реальным. Ей пора подумать о профессиональной помощи для него. Уже пора. Она отправится домой и разберется с этим сразу же после окончания суда. Но в то же время возвращение на ранчо даже на несколько дней было последним, что Ребекка хотела бы сделать. Всегда оставалась вероятность встречи с Эшем. Она старалась откладывать эту вероятность так долго, как только могла.

— Папа, — уже мягче сказала она. — Послушай, все будет хорошо. Я обещаю. Как только этот суд закончится, я на какое-то время вернусь, и...

— Я знаю, что он лгал, Бекка. Вы *оба* лгали. Тогда, много лет назад. Он изуродовал себе лицо не после падения с лошади, верно? От чего ты защищала его в тот день?

— О чем ты толкуешь?

— Сержант Норд... Ребекка! — Это был один из юристов, сердито сверкавший глазами. — Скорее, немедленно идите в зал суда! Ради всего святого, сержант, вы хотите, чтобы мы проиграли это дело?

Ребекка ущипнула себя за нос.